

Родители великаго князя Павла Петровича ¹⁾.

Для исполненія вышеприведенныхъ инструкцій гофмаршаломъ двора великаго князя Петра Ѳеодоровича назначенъ былъ генералъ князь Василій Никитичъ Репнинъ, по общему отзыву современниковъ, человекъ благородный и честный, а оберъ-гофмейстериней великой княгини—Марія Симоновна Чоглокова, урожденная Гендрикова, статсъ-дама и двоюродная сестра императрицы, жена камергера Чоглокова, женщина еще молодая, страстно любившая своего мужа, и мать нѣсколькихъ дѣтей. „Выборъ Репнина“, говоритъ Екатерина, „не былъ непріятенъ ни мнѣ, ни великому князю. Князь Репнинъ имѣлъ много благородства въ чувствахъ. Мы съ великимъ княземъ старались приобрести его расположеніе; онъ, съ своей стороны, старался дать намъ всякаго рода доказательства добрыхъ его намѣреній“. Другое впечатлѣніе произвело на нее назначеніе Чоглоковой ея главной надзирательницей. „Это меня, какъ громомъ, поразило“, пишетъ Екатерина: „дама была совершенно предана графу Бестужеву, очень грубая, злая, капризная и очень корыстная... Я много плакала, видя, какъ она переѣзжаетъ, и также и весь остальной день; на слѣдующій день мнѣ должны были пустить кровь“. Но еще до кровопусканія великую княгиню навѣстила сама императрица. „Она вошла“, рассказываетъ Екатерина, „и сказала мнѣ съ разгнѣваннымъ видомъ, чтобы я шла за ней. Она остановилась въ комнатѣ, гдѣ никто не могъ насъ ни видѣть, ни слышать, и тутъ она мнѣ сказала (въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ я была въ Россіи, это она въ первый разъ говорила со мною по душѣ или, по крайней мѣрѣ, безъ свидѣтелей. Она стала меня бра-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

нить, спрашивать не отъ матери ли я получила инструкціи, по которымъ я веду себя, что мои плутовскія продѣлки и хитрости ей извѣстны, что она все знаетъ; что когда я хожу къ великому князю, то это изъ-за его камердинеровъ; что я причиною того, что бракъ мой еще не завершенъ тѣмъ, чему женщина не можетъ быть причиною), что если я не люблю великаго князя, это не ея вина, что она не выдавала меня противъ моей воли; наконецъ, она высказала тысячу гнусностей, половину которыхъ я забыла. Я ждала минуты, когда она станетъ меня бить, какъ, по счастью, пришелъ великій князь, въ присутствіи котораго она перемѣнила разговоръ и сдѣлала видъ, что ничего не было. Я не знаю, что бы изъ этого вышло: она больше всего походила на фурію. Я сдѣлала нѣсколько усилій, чтобы оправдаться, но, какъ только она видѣла, что я открываю ротъ, она мнѣ говорила: „молчите, я знаю, что вы ничего не можете мнѣ отвѣтить“. Подробности этой сцены, сохранившіяся въ самой ранней редакціи „Записокъ“ Екатерины, составленныя спустя 12 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, лучше всего говорятъ и о необыкновенномъ раздраженіи императрицы, обманутой въ лучшей своей надеждѣ — чтобы „Имперіи пожеланной наслѣдникъ и отрасль нашего всевысочайшаго Императорскаго Дома получена быть могла“, какъ сказано было въ „Инструкціи“, — и о ея ослѣпленіи относительно виновности великой княгини въ этомъ дѣлѣ. Молчалъ объ этомъ и великій князь, „qui“, говорится въ современномъ извѣстіи, „croyant que son malheur était pour lui une loi irrévocable de la nature, s’y était soumis avec assez de résignation“¹⁾. На слѣдующій день великій князь отвелъ меня въ сторону, и я ясно увидала, что ему дали понять, что Чоглокова приставлена ко мнѣ потому, что я не люблю его, великаго князя, но я не понимаю, какъ могли думать объ усиленіи моей нѣжности къ нему тѣмъ, что мнѣ дали эту женщину; я ему это и сказала²⁾. Чтобы

¹⁾ Envoyé par M. de Champeau fils le 8 Septembre 1758. Бильбасовъ, I, 535.

²⁾ Въ другой, ранней редакціи „Записокъ“ Екатерина сообщаетъ слѣдующія подробности этого свиданія съ супругомъ, относя его ко времени непосредственно слѣдовавшаго за свиданіемъ съ императрицей: „Великій князь удалился къ себѣ. Мнѣ показалось, что онъ на меня дуется; я осталась у себя, не смѣя довѣриться ни одной живой душѣ и, такъ сказать, съ ножомъ въ груди; я все же вытерла слезы и вышла къ обѣду. Какъ только онъ кончился, я, совершенно удрученная, бросилась во всемъ нарядѣ на канapé и взяла книгу; послѣ того, какъ я немного почитала, я увидѣла, что въ мою комнату входитъ великій

служить мнѣ аргусомъ, это—другое дѣло; впрочемъ, для этой цѣли надо было бы выбрать менѣе глупую, и, конечно, для этой цѣли недостаточно было быть злой и неблагожелательной. Чоголокову считали чрезвычайно добродѣтельной, потому что тогда она любила своего мужа до обожанія; она вышла за него замужъ по любви; такой прекрасный примѣръ, какой выставляли мнѣ напоказъ, долженъ былъ, вѣроятно, убѣдить меня дѣлать то же самое“¹⁾. Императрица Елисавета, вѣроятно, думала смягчить ударъ для Екатерины тѣмъ, что въ надзирательницы ей назначили свою родственницу, но горе Екатерины, покинутой всѣми, было неописуемо. „Я была въ такомъ сильномъ отчаяніи“, вспоминала Екатерина объ этомъ случаѣ, спустя 12 лѣтъ, „что, если прибавить къ нему героическія чувства, какія я питала, это заставило меня рѣшиться покончить съ собою; такая полная волненій жизнь и столько со всѣхъ сторонъ несправедливостей и никакого впереди выхода заставили меня думать, что смерть предпочтительнѣе такой жизни. Я легла на канаве и, послѣ получасу крайней горести, пошла за большимъ ножомъ, который былъ у меня на столѣ, и собиралась рѣшительно вонзить его въ сердце, какъ одна изъ моихъ дѣвушекъ вошла, не знаю зачѣмъ, и застала меня за этой прекрасной попыткой. Ножъ, который не былъ ни очень остеръ, ни очень отточенъ, лишь съ трудомъ проходилъ чрезъ корсетъ, бывшій на мнѣ. Она схватилась за него; я была почти безъ чувствъ; я испугалась, увидавъ ее, потому что я ее не замѣтила. Она была не глупа (въ настоящее время она замужемъ за полковникомъ Кашкинымъ, командиромъ Тобольскаго полка)²⁾. Она постаралась заставить меня отказаться отъ этой неслыханной мысли и пу-

князь; онъ подошелъ прямо къ окну; я встала и подошла къ нему; я спросила, что съ нимъ, и сердится ли онъ на меня. Онъ смутился и, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ: „мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы меня любили такъ, какъ любите Чернышева“. При дальнѣйшемъ объясненіи великій князь назвалъ, однако, не Андрея, а его двоюроднаго брата, Петра Чернышева. „До сихъ поръ не знаю“, пишетъ Екатерина, „почему его избрали предметомъ этихъ подозрѣній... Андрей былъ его и мой признанный любимецъ. Это была дѣтская очень невинная привязанность, но все же привязанность, и Чернышевъ былъ очень красивый малый: его двоюродный братъ не могъ идти въ сравненіи съ нимъ“ (87 и 88).

¹⁾ Тамъ же, 247.

²⁾ Аристархъ Петровичъ Кашкинъ, бывшій камеръ-пажемъ при дворѣ Елисаветы, впоследствии, при Екатеринѣ, тайный совѣтникъ, управлявшій любимой ея резиденціей, Царскимъ Селомъ.

стила въ ходъ всѣ утѣшенія, какія могла придумать. Понемногу я раскаялась въ этомъ прекрасномъ поступкѣ и заставила ее поклясться, что она не будетъ о немъ говорить, что она и исполнила свято¹⁾.

Чоглокова, дѣйствительно, вела себя крайне безтактно и принесла съ собой много огорченій великой княгинѣ. Вооруженная инструкціей, которая давала ей право говорить и дѣйствовать именемъ самой императрицы, она слѣдила за каждымъ шагомъ великой княгини, повторяя постоянно: „Pareille chose ne serait pas approuvée par l'Impératrice“, „pareil discours déplairait à Sa Majesté“. Болѣе того, она, говоритъ Екатерина, „запрещала со мной говорить всѣмъ, не только дамамъ и кавалерамъ, окружавшимъ меня, но даже, когда я выѣзжала на куртаги, она всѣмъ говорила: „если вы ей будете говорить больше, чѣмъ „да“ или „нѣтъ“, то я скажу императрицѣ, что вы интригуете съ нею, потому что ея интриги извѣстны“, такъ что всѣ меня избѣгали, приближалась ли, они отступали. Я дѣлала видъ, что не знаю всѣхъ этихъ ея происковъ, и продолжала вести себя по прежнему, разговаривала со всѣми, была чрезвычайно любезна и старалась расположить къ себѣ всѣхъ до самой Чоглоковой“²⁾. „Примите еще во вниманіе то, что, когда меня бранили, великій князь отъ меня отступался и часто даже, чтобы поддѣлаться, также начиналъ бранить меня вмѣстѣ съ ними“³⁾.

Мы излагаемъ событія времени замужества Екатерины собственными ея словами именно съ той цѣлью, чтобы можно было судить о ея чувствахъ къ супругу, которыя онъ самъ постепенно воспитывалъ въ ней. До послѣдняго времени была извѣстна только одна, и притомъ позднѣйшая (1790 и 1791 гг.), редакція „Записокъ“ Екатерины, и ея историки до нѣкоторой степени могли быть правы, предполагая, что, по истеченіи сорока слишкомъ лѣтъ, Екатерина невольно сгущала краски, описывая характеръ и поведеніе Петра Ѳеодоровича и представляя ихъ въ худшемъ видѣ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, открытая недавно редакція 1771 года я. что еще важнѣе, редакція 1758 г., написанная еще при жизни императрицы Елисаветы, не только подтверждаютъ факты, изложенные въ редакціи 1790 и 1791 гг., но и сообщаютъ много новыхъ данныхъ, приведенныхъ нами и рисующихъ тяжелое

¹⁾ 489 и 490.

²⁾ Тамъ же, 490.

³⁾ Тамъ же, 102.

положеніе Екатерины въ самомъ ужасающемъ видѣ; таковъ напр., фактъ попытки ея къ самоубійству. Дѣйствительно, „столько несправедливостей и сознаніе, что нѣтъ никакого выхода“, должны были угнетающимъ образомъ подѣйствовать и на такого „философа“, какимъ считала себя 17-лѣтняя великая княгиня. Ее винили въ уклоненіи отъ соблюденія супружескихъ обязанностей, между тѣмъ какъ она сама была жертвой случайной болѣзни и скрытности ребенка-мужа; отъ нея требовали „угожденія его нраву и уступленія“, тогда какъ нравъ и обычаи великаго князя самой „Инструкціей“ признавались петерскими, а его привязанность къ нѣмцамъ и Пруссіи, въ чемъ заподозрили и Екатерину, по наветамъ Бестужева, признавались чуть ли не государственной измѣной; въ довершеніе всего, главный виновникъ несчастій, постигшихъ великую княгиню, первый укорялъ ее въ томъ, что она его не любитъ, и бранилъ ее совместно съ другими, чѣмъ еще болѣе возбуждалъ противъ нея гнѣвъ императрицы. Вѣроятно, именно въ это время Екатерина испытала въ первый разъ чувство ненависти къ своему мужу, тогда какъ прежде оттѣнокъ презрѣнія смягчался родственнымъ чувствомъ и привычкой къ ребенку-мужу. Къ счастью для Екатерины, ея защитникомъ явился самъ князь Репнинъ, а также враждебная Чоглоковой придворная партія, во главѣ которой находилась наперсница Елисаветы, графиня Мавра Егоровна Шувалова; помогли ей также новыя выходки Петра Θεодоровича, доведенныя до свѣдѣнія императрицы Елисаветы во время поѣздки ея въ Ревель лѣтомъ 1746 года. „Тамъ“, рассказываетъ Екатерина, „императрица, видя, что я замѣтно чахну, спросила, какая тому причина. Малснкая (Шувалова)...., побуждаемая Румянцевой и княземъ Репнинымъ, стала говорить за меня, представляя всѣ дурныя по отношенію ко мнѣ поступки, и прибавила нѣсколько личныхъ жалобъ, которыя имѣла противъ Чоглоковой и великаго князя, довольно расположеннаго къ этой послѣдней; это навлекло выговоръ на великаго князя, и ему между прочимъ сказали, что если онъ дурно будетъ себя вести, то его посадятъ на корабль, чтобы отвезти въ Голштинію, а меня оставить, и что императрица можетъ выбрать, кого хочетъ, чтобы замѣститъ его. Мнѣ сдѣлали нѣсколько подарковъ, и я думала, что все обратится къ лучшему, но все это лишь больше раздосадовало Чоглокову противъ меня: она думала, что то дурное расположеніе духа, какое ей пришлось вытерпѣть, вытекало имъ моихъ жалобъ, и отчасти это была правда. Она поджидала, чтобы шкваль прошелъ, и такъ

ловко повела дѣло, что, по возвращеніи изъ этой поѣздки, меня больше бранили и хуже со мной обращались, чѣмъ когда-либо; каждый мѣсяцъ кого-либо прогоняли и лишь только видѣли мужчину или женщину, на кого я привѣтливо смотрѣла, какъ ихъ навѣрняка удаляли“¹⁾. Камеръ-лакеи Чернышевы, ради которыхъ Екатерина перенесла невинно не мало горя, удалены были отъ двора еще въ маѣ 1746 года, тотчасъ послѣ составленія „Инструкцій“, и отправлены, въ чинѣ прапорщиковъ, на службу въ дальніе полевые полки. Двое изъ нихъ въ 1755 году служили въ Кизлярѣ и говорили тамъ, что „были они у его высочества при дворѣ въ великой милости, а великій князь называлъ ихъ фаворитами и пріятелями, а великая княгиня такъ жаловала, что скрытно ихъ дарила... Всѣхъ распыряли, кого жаловалъ его высочество, не однихъ насъ“²⁾.

Интриги Чоглоковой увѣнчались еще большимъ успѣхомъ: въ началѣ 1747 года Репнинъ былъ уволенъ отъ должности гофмаршала при великокняжескомъ дворѣ, а на его мѣсто назначенъ былъ мужъ Чоглоковой, камергеръ Николай Наумовичъ, не менѣе жены возбуждавшій въ Екатеринѣ чувство отвращенія: „этотъ Чоглоковъ, глупый, спесивый, злой, надутый, скрытный, молчаливый, всегда хмурый, былъ для всѣхъ предметомъ ужаса... Я предполагаю, что онъ выбранъ графомъ Бестужевымъ, потому что злѣйшаго найти онъ не могъ“³⁾. Чоглоковъ тотчасъ по вступленіи въ должность удалилъ отъ великаго князя пользовавшихся его довѣріемъ камергеровъ Девіера и князя Голицына и большую часть его прислуги, въ томъ числѣ голштинцевъ Крамера и Румберга, бывшихъ камердинерами великаго князя и въ то же время его совѣтниками. Румбергъ, болтавшій о довѣрїи къ нему великаго князя, попалъ уже въ крѣпость и затѣмъ сосланъ. Удаленъ былъ изъ Россіи и дядя Петра Ѳеодоровича, принцъ Августъ, епископъ Любскій, который могъ, казалось, дурно вліять на него своими совѣтами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Чоглоковъ запретилъ кому бы то ни было входить въ комнату великаго князя безъ своего позволенія, началъ самъ спать въ его комнатахъ и достигъ того, что великій князь почувствовалъ себя въ томъ же положеніи, въ какомъ болѣе года была уже его супруга подъ надзоромъ Чоглоковой. Съ тѣхъ поръ самъ Петръ Ѳеодоровичъ началъ чувствовать себя на положеніи государственнаго арестанта.

¹⁾ Тамъ же (редакція 1758 года), 490 и 491.

²⁾ Соловьевъ: Исторія Россіи (изд. Т. О. П.), XXIV, 927.

³⁾ Тамъ же (ред. 1771 г.), 103.

Общее горе, казалось, должно было бы сблизить Петра и Екатерину другъ съ другомъ, но, очевидно, никакія бѣдствія не могли исправить легкомыслія молодого наследника русскаго престола. „Разлученный такимъ образомъ со всѣми, кого только подозрѣвали въ привязанности къ нему, и не имѣя возможности быть съ кѣмъ-нибудь откровеннымъ“, говоритъ Екатерина, „онъ обращался ко мнѣ. Онъ часто приходилъ ко мнѣ въ комнату: онъ зналъ или скорѣе чувствовалъ, что я была единственной личностью, съ которой онъ могъ говорить безъ того, чтобы изъ малѣйшаго его слова дѣлалось преступленіе: я видѣла его положеніе, и онъ былъ мнѣ жалокъ; поэтому я и старалась дать ему всѣ тѣ утѣшенія, которыя отъ меня зависѣли. Часто я очень скучала отъ его посѣщеній, продолжавшихся по нѣскольку часовъ, и утомлялась, потому что онъ никогда не садился и нужно было ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Ходилъ онъ скоро и большими шагами, такъ что было тяжелымъ трудомъ слѣдовать за нимъ и, кромѣ того, поддерживать разговоръ о подробностяхъ по военной части, очень мелочныхъ, о которыхъ онъ говорилъ съ удовольствіемъ и, разъ начавши, съ трудомъ переставалъ. Тѣмъ не менѣе я избѣгала, насколько возможно, дать ему замѣтить, что я часто изнемогала отъ скуки и усталости: я знала, что тогда для него единственнымъ развлеченіемъ была возможность надобѣдать, при чемъ онъ самъ того не подозрѣвалъ. Я любила чтеніе, онъ тоже читалъ, но что читалъ онъ? Разказы про разбойниковъ или романы, которые мнѣ были не по вкусу. Никогда умы не были менѣе сходны, чѣмъ наши; не было ничего общаго между нашими вкусами, и нашъ образъ мыслей и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни въ чемъ не были бы согласны, если бы я часто не прибѣгала къ уступчивости, чтобы не задѣвать его прямо. Были, однако, минуты, когда онъ меня слушался, но то были минуты, когда онъ приходилъ въ отчаяніе. Нужно сознаться, что это съ нимъ часто случалось: онъ былъ трусливъ сердцемъ и слабъ головою; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ проникательностью, но вовсе не разсудительностью; онъ былъ очень скрытенъ, когда, по его мнѣнію, это было нужно, и вмѣстѣ съ тѣмъ болтливъ до того, что если бъ онъ брался смолчать на словахъ, то можно было быть увѣреннымъ, что онъ выдастъ это жестомъ, выраженіемъ лица; видомъ или косвенно“ ¹⁾. Петръ Ѳеодоровичъ старался теперь тайкомъ удовлетворять прежнимъ

¹⁾ Тамъ же (ред. 1771 г.), 104 и 105.

своимъ вкусамъ. Камеръ-фрау Екатерины, Крузе, тайкомъ доставляла великому князю дѣтскія игрушки, которыя любилъ онъ чрезвычайно, и такъ какъ онъ боялся пользоваться ими въ своей комнатѣ, опасаясь прихода Чоглокова, то принужденъ былъ играть въ свои куклы лишь въ постели. „Тотчасъ послѣ ужина“, пишетъ Екатерина, „онъ раздѣвался и приходилъ въ мою комнату ложиться; я вынуждена была дѣлать то же самое, чтобы мои горничныя удалились, и чтобы можно было запереть двери; тогда Крузе, которая спала рядомъ съ моей комнатой, приносила ему столько куколъ и игрушекъ, что вся постель была ими покрыта. Я имъ не мѣшала, но иногда меня бранили за то, что я не принимала достаточнаго участія въ этой пріятной забавѣ, которой охотно предавались съ десяти часовъ до полуночи или до часу“¹⁾. Велѣдъ затѣмъ великій князь сталъ учиться игрѣ на скрипкѣ и дрессировкѣ собакъ, рядомъ съ комнатой великой княгини, а лѣтомъ въ Петергофѣ, не смѣя составлять полка изъ своихъ приближенныхъ, забавлялся, обучая Екатерину военнымъ упражненіямъ. „Благодаря его заботамъ“, писала Екатерина, „я до сихъ поръ умѣю исполнять всѣ ружейныя приемы съ точностью самаго опытнаго гренадера. Онъ также ставилъ меня на караулъ съ мушкетомъ на плечѣ по цѣлымъ часамъ у двери, которая находилась между моею и его комнатой. Когда мнѣ позволялось покинуть свой постъ, я читала. Вкусъ къ романамъ у меня проходилъ; случайно попались мнѣ въ руки письма г-жи де-Севинье, они меня очень развлекли; поглотивши ихъ, я стала читать произведенія Вольтера. Кончивъ это чтеніе, я стала искать чего-нибудь подходящаго, но, не находя ничего подобнаго, я пока читала все, что попадало подъ руки, и про меня можно было тогда сказать, что я никогда не бывала безъ книги и никогда безъ горя, но всегда безъ развлеченій. Мое отъ природы веселое настроеніе тѣмъ не менѣе не страдало отъ этого положенія; надежда или виды не на небесный, а именно на земной вѣнецъ поддерживали во мнѣ духъ и мужество“.

Екатерина еще не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ интересовъ Петра, но уже готова сдѣлать этотъ новый шагъ на пути отчужденія съ мужемъ. И уже наступало для этого время. Именно, въ августѣ 1747 г. прусскій посланникъ Мардефельдъ доносилъ своему королю, Фридриху II, бывшему идоломъ великаго князя: „надобно полагать, что великій князь никогда не

¹⁾ Тамъ же 106 и 107.

будеть царствовать въ Россіи: не говоря уже о слабомъ здоровьѣ, которое угрожаетъ ему равною смертью, онъ такъ ненавидимъ русскими, что долженъ лишиться короны, если бы она досталась ему по смерти императрицы. И, надобно признаться, его поведеніе вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, какъ можетъ принцъ его лѣтъ вести себя такъ ребячески. Нѣкоторые думаютъ, что онъ притворяется, но въ такомъ случаѣ онъ былъ мудрѣ Брута и своей тетки (императрицы Елисаветы, неожиданно для всѣхъ завладѣвшей престоломъ). Къ несчастью онъ дѣйствуетъ безъ всякаго притворства. Великая княгиня ведетъ себя совершенно иначе¹⁾. Русскіе люди возмущались особенно тѣмъ предпочтеніемъ, которое великій князь постоянно оказывалъ Голштиніи предъ Россіей. Около этого времени изъ Голштиніи привезли ему модель города Кіля, и онъ публично заявилъ, что этотъ городъ нравится ему болѣе, чѣмъ все русское государство. Императрица Елисавета тотчасъ велѣла прогнать назадъ въ Голштинію голштинцевъ, привезшихъ модель, но отзывъ великаго князя сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ и произвелъ самое тягостное впечатлѣніе²⁾.

Несмотря на „Инструкцію“, великій князь грубо и дерзко относился къ русскимъ людямъ, не стѣснясь въ выраженіяхъ, къ которымъ привыкъ онъ въ обществѣ камердинеровъ. „Однажды“, рассказываетъ Екатерина, „когда обѣдалъ у насъ генералъ Бутурлинъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и очень смѣшилъ великаго князя, послѣдній отъ полноты веселья, раздражаясь смѣхомъ и откинувшись на стулѣ, вдругъ хватилъ порусски: „о, этотъ сукинъ сынъ уморитъ меня со смѣху сегодня“. Я сидѣла около него, почувствовала, что это слово не пройдетъ безъ пересудовъ и толковъ, и покраснѣла за него. Бутурлинъ замолчалъ. За этимъ столомъ было нѣсколько чловѣкъ, принадлежавшихъ большому двору; три четверти ничего не слышали, будучи слишкомъ далеко, но Бутурлинъ передалъ это императрицѣ, которая велѣла сказать своимъ придворнымъ, чтобы они не являлись больше къ столу великаго князя, а послѣднему, что если онъ не умѣетъ принимать своихъ гостей, то они ходить къ нему не будутъ. Бутурлинъ никогда не могъ забыть этого слова и незадолго до смерти своей, въ 1767 г., говорилъ мнѣ: „Помните ли вы приключеніе въ Царскомъ Селѣ, когда великій князь публично, за столомъ, назвалъ меня сукинымъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV. 924.

²⁾ Штелинь, 89.

сыномъ?“ ¹⁾ Живость характера, необдуманность и рѣзкость въ словахъ и движеніяхъ проявлялись ежедневно, ежечасно, и не давали ему возможности скрывать ни своего ребячества, ни своего презрѣнія къ Россіи и православію, даже въ пустякахъ“.

Одной изъ причинъ, послужившихъ всего болѣе къ тому, чтобы подорвать его довѣріе къ Владиславовой (камеръ-фрау), говоритъ Екатерина, „была ея набожность—основной пунктъ, котораго онъ никогда не прощаль; кромѣ того, въ ея комнатѣ была лампада передъ образами, чего онъ не выносилъ. Хотя это было въ обычаѣ по нашей вѣрѣ, но его императорское высочество нисколько не былъ привязанъ къ ней; напротивъ, онъ воображалъ, что принадлежитъ къ лютеранскому исповѣданію, въ которомъ былъ воспитанъ, но въ глубинѣ души онъ ничѣмъ не дорожилъ и не имѣлъ никакого понятія ни о догматахъ христіанской вѣры, ни о нравственности. Я никогда не знавала атеиста болѣе совершеннаго на дѣлѣ, чѣмъ этотъ человекъ, который между тѣмъ очень боялся и чорта и Господа Бога, и чаще всего ихъ обоихъ презиралъ, смотря по тому, представлялся ли къ этому случай, или имъ овладѣвало минутное настроеніе“ ²⁾. Екатерина пробовала открыть глаза мужу, повліять на его поведеніе, но попытки эти не вели ни къ чему хорошему. „И тогда уже его ребячество и болтливость сильно ему вредили и лишали уваженія людей самыхъ благонамѣренныхъ. Я рѣшилась откровенно поговорить съ нимъ объ этомъ, но была плохо имъ принята, и онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ моихъ наставленій: достаточно уже надоѣли ему столь великія истины, но ему глубоко внушили, чтобъ онъ не позволялъ женѣ управлять собою, и это заставляло его быть насторожѣ противъ всего разумнаго, что я могла ему сказать. Онъ тогда лишь слѣдовалъ моему совѣту, когда требовала того крайняя необходимость, и когда онъ находился въ бѣдѣ. Впрочемъ, я должна согласиться, что, въ виду крайней разницы нашихъ характеровъ, мнѣнія или совѣты, какіе я могла ему дать, не соответствовали ни его взглядамъ, ни характеру и вслѣдствіе этого почти никогда не приходились ему по вкусу“ ³⁾.

Видя, что никакія „Инструкціи“ не исправляютъ племянника, императрица Елисавета мало-по-малу охладѣла къ нему. Государыня набожная, глубоко преданная православію и страстно

¹⁾ Записки Екатерины (ред. 1771 г.), 121.

²⁾ Тамъ же, 138.

³⁾ Тамъ же, 114.

любившая Россію и русскій народъ, которому она не знала равнаго, императрица Елисавета Петровна была вполнѣ русской царицей и хотѣла, чтобы ея наслѣдникъ возросъ въ тѣхъ же чувствахъ; велико было ея горе и разочарованіе, когда она убѣдилась въ обратномъ. Но, въ противоположность своему племяннику, она дѣйствовала осторожно и медлительно: давая ему чувствовать свое неудовольствіе, она все-таки надѣялась, что время и привычка сдружатъ великаго князя съ Россіей: дочь Петра Великаго не могла себѣ представить, чтобы маленькую Голштинію можно было предпочесть великой Россіи, чтобы можно было не любить набожнаго, преданнаго и могучаго народа и его интересы жертвовать интересамъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Предоставляя все времени, Елисавета, по возможности, удалялась отъ великокняжеской четы, такъ какъ самый видъ племянника начиналъ приводить ее въ раздраженіе. „Хотя мы жили въ одномъ домѣ, наши покои соприкасались какъ въ Зимнемъ, такъ и въ Лѣтнемъ дворцахъ“, говоритъ Екатерина, „но мы не видали ея по цѣлымъ мѣсяцамъ, а часто и болѣе. Мы не смѣли безъ зова явиться въ ея покои, а насъ почти не звали. Насъ часто бранили отъ имени ея величества за такіе пустяки, относительно которыхъ нельзя было и подозрѣвать, что они могутъ разсердить императрицу. Она посылала къ намъ для этого не однихъ Чоглоковыхъ, но часто, бывало, гоняла къ намъ горничную, выѣздного или кого-либо въ этомъ родѣ, передать намъ не только чрезвычайно непріятныя вещи, но даже рѣзкости, равносильныя грубѣйшимъ оскорбленіямъ“ ¹⁾. Приближенные Елисаветы также не любили великаго князя, у котораго друзей не было, а враговъ было столько, сколько волосъ на головѣ. Главнымъ врагомъ великаго князя являлся канцлеръ Бестужевъ, національная политика котораго, направленная къ „сокращенію скоропостижнаго Прусскаго короля“, Фридриха II, встрѣчала въ лицѣ наслѣдника русскаго престола ожесточеннаго и неразумнаго противника. Около Бестужева группировались всѣ болѣе или менѣе вліятельные люди того времени, и ему сочувствовалъ даже самъ тайный супругъ императрицы, графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Среди этихъ людей уже въ это время возникъ вопросъ о необходимости устранить Петра Ѳеодоровича отъ наслѣдованія русскаго престола въ случаѣ кончины Елисаветы.

Въ началѣ 1749 года дворъ переѣхалъ въ Москву, но здѣсь

¹⁾ Тамъ же, 113.

императрица заболѣла, и такъ опасно, что боялись за ея жизнь. Естественно, что мысль о восшествіи Петра Ѳеодоровича на престолъ не улыбалась никому изъ русскихъ людей, окружавшихъ тронъ Елисаветы, какъ сообщаетъ датскій посланникъ Линаръ, человекъ близкій къ Бестужеву. „Цѣлую ночь“, говоритъ Линаръ, „были собранія и переговоры, на которыхъ, между прочимъ, рѣшено было главными министрами и высшими властями, что, какъ скоро государыня скончается, великаго князя и великую княгиню возьмутъ подъ стражу и императоромъ провозгласятъ Іоанна Антоновича. Число лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, было очень велико, но до сихъ поръ никто другъ друга не выдавалъ. Я подозреваю многихъ въ участіи въ этомъ заговорѣ, особенно же лицъ, имѣющихъ причины опасаться великаго князя и весьма естественно ожидающихъ болѣе милостей отъ принца, который имъ обязанъ будетъ всѣмъ“¹⁾. Какъ представитель Даніи, боявшейся, что Петръ, по вступленіи своемъ на престолъ, объявилъ ей войну для возвращенія Шлезвига любимой имъ Голштиніи,—Линаръ могъ, конечно, только сочувствовать этому намѣренію вельможъ и даже содѣйствовать въ этомъ смыслѣ Бестужеву, пользовавшемуся огромнымъ вліяніемъ въ это время послѣ ссылки графа Лестока, бывшаго приверженцемъ Пруссіи. Для большого успѣха дѣла о болѣзни императрицы запрещено было сообщать великокняжеской четѣ, и Чоглоковы, какъ креатуры Бестужева, дѣйствительно сдѣлали все возможное, чтобы вѣсть о болѣзни Елисаветы дошла до великокняжеской четы какъ можно позже. Вновь открытая редакція „Записокъ Екатерины“ вполне подтверждаетъ извѣстіе Линара, дополняя его новыми подробностями. „Пока я въ началѣ 1749 года сидѣла въ комнатѣ (по нездоровью)“, говоритъ она, „я узнала частью отъ моего камердинера Евреинова, частью отъ г-жи Владиславовой, которые, однако, другъ отъ друга таились, что императрица опасно заболѣла отъ коликъ вслѣдствіе запора. Чоглоковы ни слова намъ объ этомъ не говорили, а мы не смѣли осведомляться о здоровьѣ императрицы. Это было бы преступленіемъ, и насъ стали бы спрашивать, отъ кого мы знаемъ, что она больна, что могло бы вызвать несчастіе или по крайней мѣрѣ увольненіе всякаго, кто намъ объ этомъ сообщилъ. Я рассказала великому князю въ точности то, что мнѣ передали мои люди. Мы оба рѣшили молчать до тѣхъ поръ, пока Чоглоковы сами

¹⁾ Васильчиковъ: „Семейство Разумовскихъ“, 1, 103.

не заговорятъ съ нами объ этомъ, но они ни слова намъ не сказали. Когда императрицѣ однажды ночью было очень плохо, мы узнали, что графъ Бестужевъ и генералъ Апраксинъ спали или провели ночь у Чоглоковыхъ. Между тѣмъ, мы съ великимъ княземъ были довольно встревожены этой болѣзнию императрицы, которую отъ насъ такимъ образомъ скрывали; Чоглоковы едва обращали на насъ вниманіе. Мы не смѣли безъ позволенія выходить изъ нашихъ комнатъ; мы узнали, что у графа Бестужева и генерала Апраксина съ нѣсколькими другими лицами, на преданность которыхъ мы не могли особенно рассчитывать, были постоянныя маленькія совѣщанія, совершенно тайныя и при закрытыхъ дверяхъ; мы не знали, чему это приписать. Великій князь въ особенности, при своей трусости, не зналъ, какому святому молиться. Я внушала ему мужество, просила держать себя весело и спокойно и говорила ему, что я постараюсь быть возможно лучше освѣдомленной чрезъ моихъ людей о состояніи здоровья императрицы, а если бы она умерла отъ этой болѣзни, то я открою ему двери, чтобы онъ могъ выйти изъ своихъ покоевъ, гдѣ его держали, такъ сказать, взаперти, и если бы другого свободного выхода не оказалось, то окна нашихъ покоевъ въ нижнемъ этажѣ были достаточно низко расположены, чтобы можно было, въ случаѣ нужды, выпрыгнуть на улицу. Кромѣ того, я ему сказала, что полкъ графа Захара Чернышева, на котораго, мнѣ казалось, я могла рассчитывать, находился въ городѣ, и что нѣсколько капраловъ лейбъ-компаніи, которыхъ я ему назвала, не покинули бы его. Все это его успокоило и побудило довольствоваться у себя въ уголкѣ собаками и скрипкой. Послѣ нѣсколькихъ дней крайне опаснаго положенія, въ теченіе которыхъ много шептались во всѣхъ комнатахъ дворца, императрица почувствовала себя лучше, и каждый вернулся въ свою скорлупу. Я имѣла довольно точныя свѣдѣнія два-три раза въ день отъ своего камердинера и Владиславовой; у послѣдней было много различныхъ связей съ людьми императрицы, въ комнатѣ которой были родственницы, знакомые и друзья; кромѣ того, священники и придворные пѣвчіе были съ ней въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и во время трехъ церковныхъ службъ, которыя эта женщина регулярно посѣщала почти каждый день, не оставляли ее въ невѣдѣніи всего, о чемъ они узнавали; все это она мнѣ и передавала съ величайшею точностью. Но этимъ дѣло не кончилось. Когда императрица стала выздоравливать, Екатерина имѣла случай рассказать Шуваловой, любимицѣ импе-

ратрицы, о своемъ безпокойствѣ по поводу ея болѣзни. „На другой день утромъ Чоглокова совсѣмъ внѣ себя пришла въ мою комнату, но такъ какъ я съ великимъ княземъ была въ комнатѣ Владиславовой, которая примыкала къ моей, она влетѣла туда и, обращаясь ко мнѣ, сказала, что ея величество была возмущена тѣмъ, что въ теченіе всей ея болѣзни, которая продолжалась около двухъ недѣль и была очень серіозна, я ни разу не послала справиться о ея здоровьѣ, что я говорила съ Шуваловой о ея болѣзни только тогда, когда ей было уже лучше, и что было непростительнымъ поступкомъ со стороны великаго князя и моей, что мы ни разу не освѣдомились о состояніи здоровья императрицы. Я отвѣтила Чоглоковой, что ни она, ни мужъ ея вовсе не сказали мнѣ ни слова о болѣзни ея величества. Она мнѣ возразила: „но вы объ этомъ говорили съ Шуваловой“. Я ей сказала, что Шувалова сама подала къ тому поводъ, и это была правда. Чоглокова вышла, поворчавъ еще и насказавъ еще много неприяностей, одну хуже другой. Когда же она ушла, великій князь, въ свою очередь, сталъ меня бранить за то, что я говорила съ Шуваловой о болѣзни императрицы: если бы не это, можно было бы думать, что мы ничего о ней не знаемъ. Онъ также вышелъ (изъ комнаты) и весь день дулся на меня, къ чему онъ по природѣ былъ склоненъ, и что онъ всегда дѣлалъ изъ-за малѣйшаго пустяка. Оставшись одна съ Владиславовой, которая была умнѣе всей этой компаніи, я заплакала и сказала: „вотъ и разберите, какъ можно угодить людямъ съ такими наклонностями“. Владиславова, которая обыкновенно доносила императрицѣ о малѣйшихъ дѣйствіяхъ Екатерины и не любила Чоглоковыхъ, которые мѣшали ей властвовать, доложила Елисаветѣ, что Чоглоковы скрыли ея болѣзнь отъ великокняжеской четы. При этомъ случаѣ Владиславова убѣдилась, что послѣ того, какъ императрица велѣла передать свое неудовольствіе о безучастіи великаго князя и его супруги къ ея болѣзни, Чоглоковы и не подумали сознаться императрицѣ въ дѣйствительномъ положеніи дѣла. „Когда государыня почувствовала себя лучше“, пишетъ Екатерина, „и появилась въ обществѣ, на одномъ куртагѣ, она подошла ко мнѣ и сказала: „что это у васъ такой грустный видъ?“ Я ей отвѣтила: „я боюсь, что оскорбила ваше величество во время вашей болѣзни; я не посмѣла спрашивать о вашемъ здоровьѣ, такъ какъ ни господинъ, ни госпожа Чоглоковы ни разу мнѣ объ этомъ не говорили“. Она мнѣ возразила: „я знаю это, и знаю, что вы очень безпокоились; не нужно

больше объ этомъ говорить“¹⁾. Елисавета знала интриги своихъ приближенныхъ, но едва-ли подоврѣвала, какое значеніе имѣло загадочное молчаніе Чоглоковыхъ о ея болѣзни, и, вѣрная своей системѣ не давать никому преобладающаго вѣса, предпочла прекратить дѣло. Тѣмъ не менѣе, Екатеринѣ показалось, что вліяніе Чоглоковыхъ послѣ этого стало уменьшаться²⁾.

Едва избѣгнувъ одной опасности, великій князь самъ навлекъ на себя другую. Постоянно унимаемый и наставляемый, онъ чрезвычайно обрадовался, когда его егеря на одной изъ охотъ въ окрестностяхъ Москвы сообщили ему, что въ Ширванскомъ полку (они сказали—въ Бутырскомъ) есть поручикъ Іоасафъ Батуриный, который вполне преданъ его высочеству и говорить, что и весь полкъ его отличается тою же преданностью. Вслѣдъ затѣмъ Батуриный, съ разрѣшенія великаго князя, представился ему на охотѣ, палъ предъ нимъ на колѣни и объявилъ, что его одного признаетъ своимъ государемъ, и что его императорское высочество можетъ рассчитывать на него и на весь полкъ, въ которомъ онъ служилъ. Великій князь былъ этимъ испуганъ и уѣхалъ отъ Батурина, а егеря не слышали или не хотѣли подать виду, что говорилъ ему офицеръ. Тѣмъ не менѣе было еще нѣсколько свиданій и переговоровъ между егерями, Батуринымъ и великимъ княземъ. Но когда вслѣдъ затѣмъ были арестованы егеря и самъ Батуриный, думавшій выйти въ люди путемъ низверженія Елисаветы и уже набравшій себѣ сторонниковъ, то великій князь, дотошъ тщательно скрывавшій отъ Екатерины свои сношенія съ Батуринымъ, рѣшился признаться ей въ этомъ и просилъ ея совѣта, боясь, что дѣло егерей и Батурина можетъ имѣть для него опасныя послѣдствія.

Новая, болѣе ранняя редакція „Записокъ“ Екатерины о дѣлѣ Батурина также даетъ болѣе подробныя и болѣе интересныя свѣдѣнія, характеризующія и великаго князя Петра Θεодоровича, и императрицу Елисавету. „Мнѣ показалось“, пишетъ Екатерина, „что великій князь признавался мнѣ только наполовину и боялся сказать мнѣ все изъ страха, чтобы я не осудила его неосторожности. Мнѣ стало жаль его за то страданіе, которое онъ испытывалъ; я старалась его утѣшить, но это дѣло въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль его все-таки очень мучило; когда же онъ увидѣлъ, что ему вовсе объ этомъ не говорили,

¹⁾ „Записки“ (ред. 1771 г.), 145-149.

²⁾ Тамъ же (ред. 1790 и 1791 гг.), 278.

и что дѣло это не имѣло для него дурныхъ послѣдствій, онъ его понемногу позабылъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ моего восшествія на престолъ, это дѣло попало мнѣ въ руки; я нашла его среди бумагъ императрицы Елисаветы; оно было ей передано, чтобы ея величество постановила о немъ свое рѣшеніе ¹⁾. Оно было очень объемисто, и вслѣдствіе этого императрица до самой своей смерти не имѣла о немъ правильнаго представленія: она, навѣрно, его не прочла. Дѣло это было, быть-можетъ, однимъ изъ самыхъ серьезныхъ въ ея царствованіе, хотя оно было затѣяно безразсудно и неосторожно и, говоря безъ обиняковъ, это былъ заговоръ по всей формѣ; Батуринъ убѣдилъ сотню своего полка присягнуть великому князю, онъ увѣрялъ, что получилъ на охотѣ согласіе этого князя на возведеніе его на престолъ. На пыткѣ онъ признался въ своихъ сношеніяхъ съ этимъ княземъ чрезъ посредство его егерей; на него донесъ гренадеръ, котораго онъ старался привлечь на свою сторону; егеря были уличены въ томъ, что дали возможность великому князю съ нимъ познакомиться, но, впрочемъ, допрошены они были только слегка. Когда я сопоставляю процессъ съ тѣми страхами, которые на моихъ глазахъ испытывалъ великій князь, и съ тѣмъ, что онъ при мнѣ говорилъ, я не сомнѣваюсь, что онъ зналъ обо всемъ (*je ne doute pas qu'il n'eût connaissance du tout*), и что егеря не захотѣли или не посмѣли оговорить его настолько, насколько этого требовала истина. Хотя я не думаю, чтобы императрица когда-либо узнала все, тѣмъ не менѣе она была достаточно освѣдомлена, чтобы утратить тотъ остатокъ довѣрія къ нему, который она еще имѣла. Послѣ этого происшествія она перестала цѣловать ему руку, когда онъ подходилъ цѣловать ея руку, а въ слѣдующемъ году дала почувствовать свой гнѣвъ, хотя и косвеннымъ образомъ... Съ этого времени я стала замѣчать, какъ въ умѣ великаго князя росла жажда царствовать; ему этого до смерти хотѣлось (*il en mourait d'envie*), но онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы сдѣлаться

¹⁾ Спустя двадцать лѣтъ, Екатерина забыла объ этомъ и въ позднѣйшей редакціи „Записокъ“ писала: „я не читала и не видѣла этого дѣла“ (тамъ же, 291). Между тѣмъ въ дѣлахъ Тайной канцеляріи не сохранилось дѣла, о которомъ говоритъ Екатерина, а существуетъ лишь дѣло 1753 г. о сторонникахъ Батурина, что дало Соловьеву поводъ ошибочно отнести самый заговоръ къ этому же году. Возникаетъ интересный вопросъ, всѣ ли документы по дѣлу Батурина сохранились до настоящаго времени, признавая, что факты, сообщаемые Екатериной, обыкновенно подтверждаются при проверкѣ.—Дѣло Батурина у Соловьева, XXIV, 756—758.

достойнымъ этого¹⁾. Счастлиное для великаго князя окончаніе Батуринскаго дѣла было, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ возраставшаго вліянія Шуваловыхъ, которые, въ противовѣсъ Бестужеву, опиравшемуся на поддержку супруга императрицы, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, искали случая заручиться расположеніемъ великокняжеской четы. Именно во время этого пребыванія своего въ Москвѣ императрица Елисавета избрала себѣ новаго фаворита Ивана Ивановича Шувалова, камеръ-пажа Екатерины, пользовавшагося ея вниманіемъ за рѣдкое въ то время качество—любовь къ просвѣщенію, и назначила его 4 сентября 1749 года своимъ камеръ-юнкеромъ. Двоюродные братья Шувалова, графы Петръ и Александръ Ивановичи, стали собирать вокругъ себя партію, враждебную Бестужеву и Разумовскому, и великокняжеская чета, подвергавшаяся надзору и преслѣдованіямъ канцлера въ лицѣ Чоглоковыхъ, естественно являлась союзницею партіи Шуваловыхъ. Какъ начальникъ Тайной канцеляріи, графъ Александръ Ивановичъ не сталъ раздувать Батуринскаго дѣла, что могло быть полезно только Бестужевской партіи и укрѣпить положеніе Бестужева, и даже выслалъ за границу нѣмецкихъ егерей великаго князя, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, очевидно, съ цѣлью, чтобы оно не могло быть возбуждено вновь. Но и того, что узнала императрица Елисавета о заговорѣ Батурина, было достаточно, чтобы племянникъ сдѣлался ей противенъ. Не желая поднимать вопроса о виновности Петра Ѳеодоровича, она захотѣла, однако, дать ему почувствовать его ничтожество, но, какъ женщина, сдѣлала это по поводу такихъ мелкихъ провинностей наследника престола, что несоразмѣрность между виной и наказаніемъ бросалась въ глаза каждому, и великій князь, обиженный и подавленный нравственно, не понялъ преподаннаго ему урока. Дѣло началось уже по возвращеніи въ Петербургъ всего двора, вслѣдствіе отказа великаго князя итти въ баню, что предложено было ему Чоглоковой, чтобы доставить этимъ удовольствіе ея величеству. Чоглокова увидѣла въ этомъ недостатокъ уваженія къ императрицѣ и спросила великаго князя, знаетъ ли онъ, что императрица можетъ заключить его въ крѣпость за ослушаніе ея воли. „Великій князь“, рассказываетъ Екатерина, „задрожалъ при этомъ и, въ свою очередь, спросилъ ее, говорить ли она отъ своего имени или отъ имени императрицы. Чоглокова возразила ему, что она предупреждаетъ

¹⁾ Тамъ же (ред. 1771 г.), 170--172.

его о послѣдствіяхъ, которыя могло имѣть его безразсудное поведеніе, и что если онъ желаетъ, то императрица сама повторить ему то, что она, Чоглокова, только-что ему сказала: вѣдь ея величество не разъ уже угрожала ему крѣпостью, имѣя на то, повидимому, свои основанія, а ему слѣдовало помнить о томъ, что случилось съ сыномъ Петра Великаго вслѣдствіе его неповиновенія. Тутъ великій князь сталъ сбавлять тонъ и сказалъ ей, что онъ никогда бы не повѣрилъ, что онъ, герцогъ Голштинскій и самъ владѣтельный князь, котораго заставили пріѣхать въ Россію вопреки его волѣ, могъ здѣсь подвергаться опасности такого постыднаго съ нимъ обращенія, и что, если императрица не была имъ довольна, то ей оставалось только отослать его обратно на родину. Послѣ этого онъ задумался, сталъ большими шагами ходить по комнатѣ и потомъ началъ плакать, послѣ чего онъ вышелъ; при этомъ оба, онъ съ одной стороны, а Чоглокова съ другой, послали другъ, другу еще нѣсколько ругательствъ... „Я заключаю“, прибавляетъ Екатерина, и „что разговоръ этотъ былъ въ связи съ дѣломъ Батурина, заключавшіеся въ немъ намеки были съ расчетомъ направлены на то, чтобы дать почувствовать великому князю все его неразуміе. На слѣдующій день Чоглокова вернулась и сказала великому князю, что она передала императрицѣ о сценѣ вчерашняго вечера, и что онъ упорно отказывался сходить въ баню, на что ея величество сказала: „ну, такъ если онъ столь непослушенъ, то я больше не буду цѣловать его проклятую руку“. Великій князь возразилъ на это: „это въ ея волѣ, но въ баню я не пойду; я не могу выносить ея жары“. Съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ пытались убѣдить его сходить въ баню, но всѣ попытки были безуспѣшны, и онъ постоянно упорствовалъ въ своемъ нежеланіи ходить туда. Но при каждой такой попыткѣ онъ неизмѣнно вспоминалъ, что по случаю бани ему угрожали крѣпостью; другихъ причинъ онъ вовсе не подозрѣвалъ, а потому и не дали ему объ этомъ догадаться, а онъ и не подумалъ отгадать ихъ самъ, но если, дѣйствительно, таково было намѣреніе, то, мнѣ кажется, его привели въ исполненіе какъ нельзя болѣе неудачно“¹⁾. Тогда же великій князь окончательно оттолкнулъ отъ себя сердце Екатерины: онъ ухаживалъ въ то время за принцессой Курляндской Екатериной Ивановной, дочерью Бирона,

¹⁾ Тамъ же (р. 1771 г.), 181--184.

которая была очень умна, имѣла чудесные глаза, но была не только кривобока, но даже горбата. „Впрочемъ“, замѣчаетъ Екатерина, „это не могло быть недостаткомъ въ глазахъ одного изъ принцевъ голштинскаго дома, которыхъ въ большинствѣ случаевъ никакое тѣлесное уродство не отталкивало... Великій князь совсѣмъ скрывалъ отъ меня эту склонность, но все-таки сказалъ мнѣ, что это было только прекрасная дружба. Я охотно этому повѣрила; впрочемъ, я знала, что это дальше перемигиваній не пойдетъ, въ виду особенностей названнаго господина, которыя были все тѣ же, хотя прошло уже около пяти лѣтъ, когда мы были женаты“. Но однажды вечеромъ, придя въ комнату Екатерины послѣ ужина, на которомъ онъ сильнѣе, чѣмъ прежде, ухаживалъ за Биронъ, и на которомъ Екатерины не было по нездоровью, великій князь, очень пьяный, легъ въ постель и разбудилъ жену, чтобы поговорить съ ней о прелестяхъ предмета своего ухаживанія. „Раздраженная недостаткомъ внимательности“, какой этотъ человекъ, дѣйствительно пьяный, выказывалъ ко мнѣ, разбудивъ меня, чтобы занимать столь мало пріятнымъ для меня разговоромъ, я отвѣтила ему нѣсколько словъ, въ которыхъ чувствовалось раздраженіе, и притворилась, что засыпаю. И то и другое его обидѣло: онъ нѣсколько разъ ударилъ меня очень сильно локтемъ въ бокъ и повернулся ко мнѣ спиной, послѣ чего заснулъ. Я проплакала всю ночь, но не подумала сказать объ этомъ кому-либо хоть слово“¹⁾.

И въ то же время императрица, жаждавшая имѣть внука, опять возбудила вопросъ о безплодіи великой княгини. Возвратившись однажды въ свои покои съ придворнаго куртага, Екатерина, едва успѣвъ раздѣться, увидѣла у себя Чоглокову. „Она сказала мнѣ“, пишетъ Екатерина, „что ея величество нашла мое платье некрасивымъ и велѣла мнѣ передать, чтобы я никогда больше не являлась передъ ней въ такомъ платьѣ и съ такой прической, и что, кромѣ того, она гнѣвалась на меня за то, что я, будучи замужемъ четыре года, не имѣла дѣтей, что вина въ этомъ лежитъ исключительно на мнѣ, что, очевидно, у меня въ тѣлосложеніи былъ скрытый недостатокъ, о которомъ никто не зналъ, и что поэтому она пришлетъ мнѣ повивальную бабу, чтобы меня осмотрѣть. Великій князь, случайно находившійся въ моей комнатѣ, былъ свидѣтелемъ всего этого разговора. Я отвѣчала по поводу туалета, что послѣдую въ точности прика-

¹⁾ Тамъ же (р. 1771 г.), 177 и 185.

заніямъ ея величества, что же касается второго пункта, то я сказала, что такъ какъ ея величество была во всемъ повелительница, а я въ ея власти, то я ничего не могла противопоставить ея волѣ. Великій князь на этотъ разъ сталъ на мою сторону: чувствовалъ ли онъ, что вина не моя, или съ своей стороны счелъ себя обиженнымъ, но онъ рѣзко отвѣтилъ Чоглоковой по поводу дѣтей и осмотра, и разговоръ между ними принялъ очень бурный характеръ: они высказали другъ другу всевозможныя горькія истины; я тѣмъ временемъ плакала и дала имъ наговориться. Чоглокова вышла очень разсерженная и сказала, что все передастъ ея величеству. Владиславова, видя мои слезы, захотѣла узнать ихъ причину; я рассказала ей обо всемъ, что произошло, и объ оскорбленіи, которое мнѣ угрожало. Владиславова нашла, что этотъ поступокъ императрицы по отношенію ко мнѣ былъ несправедливъ. и прибавила: „Какъ же вы можете быть виноваты въ томъ, что у васъ нѣтъ дѣтей, когда вы еще дѣвица; императрица не можетъ этого знать, и Чоглокова большая дура, что передаетъ вамъ такіе разговоры; ея величество должна была бы обвинять своего племянника и самое себя, женивъ его слишкомъ молодымъ“. Между тѣмъ я, долго спустя, узнала, что графъ Лестокъ совѣтовалъ императрицѣ только тогда женить великаго князя, когда ему будетъ 25 лѣтъ, но императрица не послѣдовала этому совѣту. Владиславова утѣшала меня и дала мнѣ понять, что она доведетъ до свѣдѣнія императрицы объ истинномъ положеніи вещей, какъ она его понимала“.

Чоглоковы уже не пользовались тѣмъ значеніемъ, какое они имѣли прежде. Виною этому былъ самъ Чоглоковъ, позволившій себѣ вступить въ связь съ одной изъ фрейлинъ великой княгини; за это онъ едва не поплатился своимъ мѣстомъ. Въ вѣствѣ съ тѣмъ Шуваловы, пользуясь преобладающимъ своимъ вліяніемъ на императрицу, всячески преслѣдовали ихъ, какъ creature Бестужева. Поэтому Чоглоковы смирились и старались установить между собою и великокняжеской четой добрыя отношенія. Екатерина первая пошла имъ навстрѣчу, проигрывая въ фараонъ большія деньги Чоглоковой, до страсти любившей азартную игру, и лаская ея дѣтей. Можно было вздохнуть свободнѣе. И Петръ Θεодоровичъ воспользовался этой свободой, предаваясь играмъ и попойкамъ среди своей прислуги, а великая княгиня—расширеніемъ своего образованія и кругозора, читая лучшія произведенія современной европейской литературы. Отъ чтенія романовъ она перешла къ изученію исторіи, политики, законодательства; съ новыми теченіями французской философіи, во мно-

гомъ отвѣчавшей ея свободному, холодному уму, познакомилась она прежде всего въ произведеніяхъ Вольтера. И это широкое самообразование шло рука объ руку съ невольнымъ изученіемъ школы практической жизни, ее окружавшей, со всей ея пошлостью и низменностью, закаляя въ ней силу воли и давая опыту широкія теоретическія основы. Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы опытъ этотъ, столь грустный, внушалъ ей высокое мнѣніе о людяхъ, а принципы „вольтеріанской“ философіи, изучаемой безъ надлежащей подготовки и руководства, были здоровой мищей для ума юной Екатерины, но ея здравый, холодный умъ всегда былъ выше ея темперамента, и она не вдавалась въ крайности. Изъ „Записокъ“ ея видно, до какой степени она владела собой, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, умѣя быть на уровнѣ всѣхъ и каждаго и находя выходъ изъ самаго затруднительнаго положенія. Лучшимъ доказательствомъ ума Екатерины было то, что никто изъ окружающихъ ее въ это время не ощущалъ на себѣ ея умственного превосходства, и, когда однажды Владиславова, не зная французскаго языка, спросила Екатерину, что она читаетъ, она нашлась отвѣтить ей, что она забываетъ прочитанное. Но темпераментъ Екатерины предъявлялъ свои права, жизнь съ мужемъ-мальчикомъ послѣ шестилѣтняго промежутка со дня свадьбы становилась не подъ силу, а распущенная жизнь Елисаветинскаго двора представляла собою примѣры поразительной легкости нравовъ даже для того времени. Императрица сама имѣла иногда одновременно по нѣскольку фаворитовъ. Именно въ описываемое время гнѣвное настроеніе императрицы многими приписывалось затруднительному положенію, въ которомъ находилась ея величество между тремя или четырьмя своими фаворитами, а именно: графомъ Разумовскимъ, Шуваловымъ, однимъ пѣвчимъ Каченовскимъ и Бекетовымъ, котораго она только-что назначила адъютантомъ къ графу Разумовскому. „Нужно замѣтить“, замѣчаетъ Екатерина, „что всякая другая на мѣстѣ Ея Величества была бы поставлена втупикъ и при менѣе затруднительныхъ условіяхъ“. Екатерина, придя въ возрастъ, хорошѣла и начинала привлекать на себя взоры придворныхъ кавалеровъ, но ея сердце оставалось холодно, да и обстановка, устроенная Чоглоковыми, не благопріятствовала „маханіямъ“. Но оскорбленія, которыя Екатерина испытывала отъ неразумнаго, „яко помѣшаннаго“, по выраженію кн. М. М. Щербакова, мужа, который ухаживалъ за всѣми женщинами, кромѣ собственной жены, внушали ей желаніе испробовать свою власть надъ сердцемъ мужчинъ. Такимъ образомъ завязался

у Екатерины флиртъ съ гр. Захаромъ Чернышевымъ, но флиртъ этотъ не пошелъ далѣе чувствительной переписки ¹⁾. „На первомъ маскарадѣ, танцуя со мной“, рассказываетъ Екатерина, „онъ сталъ мнѣ говорить, что имѣеть сказать мнѣ тысячу вещей и потому просить назначить ему на минуту свиданіе у меня въ комнатѣ или гдѣ это я найду удобнымъ. Я отвѣчала ему, что это совершенно невозможно, что мои комнаты совершенно недоступны, и что я также не могу выходить изъ нихъ. Онъ мнѣ сказалъ, что переодѣнется, если это нужно, лакеемъ, но я наотрѣвъ отказалась, и дѣло остановилось на перепискѣ“ ²⁾. Но уже въ слѣдующемъ году Екатерина замѣтила, что камергеръ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, недавно женившійся на дѣвицѣ Балкѣ, сталъ бывать при дворѣ чаще обыкновеннаго. Онъ вкрался въ дружбу къ Чоглоковымъ, угождая ихъ слабостямъ и бывая у нихъ чуть не каждый день, далъ, наконецъ, понять Екатеринѣ, какая была причина его посѣщеній. „Я не сразу отвѣтила“, говоритъ Екатерина: „когда онъ снова сталъ говорить со мною о томъ же, я спросила его, на что же онъ надѣется? Тогда онъ сталъ рисовать мнѣ столь же плѣнительную, сколько полную страсти картину счастья, на какое онъ рассчитывалъ. Я ему сказала: „а ваша жена, на которой вы женились по страсти два года тому назадъ, въ которую вы, говорятъ, влюблены, и которая любитъ васъ до безумія,—что она объ этомъ скажетъ?“ Тогда онъ мнѣ сталъ говорить, что не все то золото, что блеститъ, и что онъ дорого расплачивается за мигъ ослѣпленія. Я приняла всѣ мѣры, чтобы заставить его переимѣнить эти мысли; я простодушно думала, что это мнѣ удастся: мнѣ было его жаль. Къ несчастію, я продолжала его слушать; онъ былъ прекрасенъ, какъ день, и, конечно, никто не могъ съ нимъ сравниться ни при большомъ дворѣ, ни тѣмъ болѣе при нашемъ. У него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ томъ складѣ познаній, манеръ и приемовъ, какіе даютъ большой свѣтъ и особенно дворъ. Ему было 26 лѣтъ; вообще и по рожденію, и по многимъ другимъ качествамъ это былъ кавалеръ выдающійся. Свои недостатки онъ умѣлъ скрывать; самыми большими изъ нихъ были склонность къ интригѣ и отсутствіе строгихъ правилъ; но они тогда еще не развернулись на моихъ глазахъ. Я не поддавалась всю весну и часть лѣта; я видала его почти каждый день; я не мѣняла вовсе своего обращенія съ нимъ, была такая же, какъ

¹⁾ „Р. Арх.“, 1881. 1, 390.

²⁾ „Записки“ (р. 1790 и 1791), 328.

и всегда и со всѣми; я видѣла его только въ присутствіи двора или со всѣми. Какъ-то разъ, чтобы отдѣлаться, я сказала ему, что онъ не туда обращается, и прибавила: „почемъ вы знаете, можетъ-быть, мое сердце занято въ другомъ мѣстѣ?“ Эти слова не отбили у него охоты, а, наоборотъ, я замѣтила, что преслѣдованія его стали еще жарче. При всемъ этомъ о миломъ супругѣ и рѣчи не было, ибо это было дѣло извѣстное и знакомое, что онъ нелюбезенъ даже съ тѣми, въ кого онъ былъ влюбленъ, а влюбленъ онъ былъ постоянно и ухаживалъ за всѣми женщинами; только та, которая носила имя его жены, была исключена изъ круга его вниманія“ ¹⁾).

Винникомъ сближенія своего съ Салтыковымъ Екатерина считала именно „милаго своего мужа“. „Когда я пріѣхала въ Россію“, говоритъ она, „и затѣмъ въ первые годы брачной жизни, сердце мое было бы открыто великому князю; стоило ему лишь пожелать хоть немного сносно обращаться со мною ²⁾; вполнѣ естественно, что когда я увидѣла, что изъ всѣхъ возможныхъ предметовъ его вниманія я была тѣмъ, которому Его Императорское Высочество оказывалъ его меньше всего именно потому, что я была его женой, я не нашла этого положенія ни пріятнымъ, ни по вкусу, и оно мнѣ надоѣдало и, можетъ-быть, огорчало меня. Это послѣднее чувство, чувство горя, я подавляла въ себѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ остальные; природная гордость моей души и ся закалъ дѣлали для меня невыносимой мысль, что я могу быть несчастна.... Я правила, слѣдовательно, половина искушенія была уже налицо, и въ подобномъ случаѣ отъ сущности человѣческой природы зависитъ, чтобы не было недостатка и въ другой половинѣ, ибо искушать и быть искушаемымъ, очень близко одно къ другому, и, несмотря на самыя лучшія правила морали, запечатлѣнныя въ головѣ, когда въ нихъ вмѣшивается чувствительность, какъ только она проявится, оказываешь уже безконечно дальше, чѣмъ думашь, и я еще до сихъ поръ не знаю, какъ можно помѣшать этому случиться“ ³⁾).

Въ дѣйствительности Салтыковъ едва-ли отвѣчалъ портрету.

¹⁾ Тамъ же, 328 и 329.

²⁾ Ту же самую мысль, много лѣтъ спустя, Екатерина повторяетъ въ письмѣ къ г-жѣ Бьелке: поистинѣ я очень любила бы своего мужа, если бы представлялась тому возможность и если бъ онъ былъ такъ добръ, что желалъ бы этого (*s'il avait eu la bonté de le vouloir*). Сб. И. Р. И. О., VII, 10.

³⁾ Тамъ же, 445. — „Правду сказать, я никогда не считала себя чрезвычайно красивой, но я правила, и полагаю, что въ этомъ и была моя сила“ (315).

нарисованному Екатериной, и впоследствии она сама разочаровалась въ немъ, но, безъ сомнѣнiя, онъ былъ замѣтенъ въ обществѣ, окружавшемъ Екатерину: „по части мужчинъ Императрица въ то время съ особенною заботливостью старалась заполнить нашъ дворъ всѣмъ, что она могла откопать наиболее безтолковаго, и когда она случайно ошибалась въ своемъ выборѣ, тотчасъ же изгонялся тотъ кривой, который казался королемъ среди этихъ слѣпыхъ ¹⁾. Но Салтыковъ по отцу и матери, оказавшимъ Елисаветѣ огромныя услуги при ея восшествiи на престолъ, пользовался вниманiемъ императрицы, имѣлъ при большомъ дворѣ влiятельныя связи и обладалъ недюжинной способностью къ интригѣ. Сблизившись съ Екатериной, онъ, несомнѣнно, сдѣлался ея главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ въ сферѣ, гдѣ прежде она, вслѣдствiе полнаго своего одиночества, играла лишь пассивную роль, тѣмъ болѣе, что онъ умѣлъ вкратся въ довѣрiе Чоглоковыхъ и въ полной мѣрѣ пользовался дружбой великаго князя. Салтыковъ зналъ характеръ супружескихъ отношенiй великокняжеской четы и долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы скрыть свою связь съ великой княгиней; положенiе осложнялось тѣмъ, что Чоглоковъ самъ сталъ ухаживать за великой княгиней, и одинъ изъ камердинеровъ великаго князя, Брессанъ, передалъ Салтыкову слова великаго князя: „Сергѣй Салтыковъ и моя жена обманываютъ Чоглокова; увѣряютъ его, въ чемъ хотятъ, а потомъ смѣются надъ нимъ“. Какъ бы то ни было, но снова возникъ вопросъ о неплодiи великой княгини. Такъ какъ Екатерина очень любила кататься верхомъ въ особомъ костюмѣ, по-мужски, то лѣтомъ 1752 г. императрица замѣтила Чоглоковой, что манера Екатерины ѣздить верхомъ мѣшаетъ ей имѣть дѣтей, и что ея костюмъ совершенно неприличенъ. Лишь теперь Чоглокова оказалась въ возможности сообщить императрицѣ, что „для того, чтобы имѣть дѣтей, тутъ вины нѣтъ, и что хотя Ихъ Императорскiя Высочества живутъ въ бракѣ съ 1745 г., а между тѣмъ причины не было“. Тогда ея императорское величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщетъ съ нея за то, что она не старается усовершенствоваться на этотъ счетъ заинтересованныя стороны; вообще она проявила сильный гнѣвъ и сказала, что мужъ ея — колпакъ, который позво-

¹⁾ Тамъ же (р. 1771 г.), 189. M. de Saltykof est un homme vain et un petit-maître russe, c'est-à-dire un homme ignorant, sans goût et sans mérite“, доносилъ о немъ французскiй посланникъ маркизъ Лопиталь. *Waliszewski: Le roman d'une Impératrice*, 86.

ляетъ водить себя за носъ соплякамъ. Все это сообщено было Чоглоковыми въ однѣ сутки довѣреннымъ лицамъ ¹⁾. Эти слова императрицы заставили Салтыкова и друга его, камергера Льва Нарышкина, на время уѣхать изъ Москвы, а между тѣмъ Чоглокова, чрезъ Брессана, познакомила Петра Ѳеодоровича съ вдовой извѣстнаго художника—портретиста Гротъ, внушивъ ей заранѣе, чего отъ нея хотятъ. Въ то же время приняты были мѣры для лѣченія великаго князя. „Салтыковъ“, говоритъ Екатерина, „побуждалъ Чоглокова предпринять то, на что онъ уже составилъ свой планъ, заставивъ ли великаго князя прибѣгнуть къ медицинской помощи или какъ иначе“. Чоглокова, которая вовсе не считала чувства своего мужа (къ Екатеринѣ) столь чистыми, покровительствовала чувствамъ Салтыкова, чтобы сдѣлать пакость своему мужу, и старалась для той же цѣли, чтобы причинить ему досаду. Наконецъ, крайняя невинность великаго князя сдѣлала то, что ему должны были прискаты женщину. Выборъ палъ на вдову одного живописца, Гротъ ²⁾. „Я хорошо замѣчала, что Чоглокова была очень занята, но я не знала чѣмъ, когда, наконецъ, Сергѣй Салтыковъ вернулся изъ своего добровольнаго изгнанія и сообщилъ мнѣ приблизительно, въ чемъ дѣло. Наконецъ, благодаря своимъ трудамъ, Чоглокова достигла цѣли, и когда она увѣрена была въ успѣхѣ, то предупредила императрицу, что все шло согласно ея желаніямъ ³⁾. По свѣдѣніямъ, шедшимъ отъ самого Салтыкова, эти рассказы Екатерины подтверждаются по существу, но обставляются большими подробностями: „Toute la Cour était à un grand bal. L'Impératrice, passant près m-me de Narischkin, belle-soeur de Soltikow, qui alors était grosse et qui causait avec M. de Soltikow, dit à cette dame qu'elle devrait communiquer un peu de sa vertu à la grande-duchesse. Elle lui répondit que la chose ne serait pas si difficile et que si elle voulait lui donner aussi bien qu'à M. de Soltikow la permission d'y travailler, elle osait l'assurer qu'on pourrait réussir. L'Impératrice demanda des éclaircissements; madame de Narischkin l'instruisit de l'état du Grand-Duc et des moyens dont on pourrait y remédier, elle ajouta que M. de Soltikow avait toute sa confiance, et qu'il pouvait l'y déterminer. Non-seulement l'Impératrice y consentit, mais elle fit connaître que ce serait lui rendre un grand service.

¹⁾ „Записки“, 332.

²⁾ Тамъ же (р. 1758 г.), 495.

³⁾ Тамъ же (р. 1790—1791 г.), 334.

M. de Soltikow aussitôt chercha les moyens de déterminer le Grand-Duc à faire tout ce qui était nécessaire pour se donner des héritiers. Il lui fit sentir toutes les raisons politiques qui devaient l'y engager. Il lui donna aussi une idée de plaisir tout nouveau, et parvint à le rendre incertain sur ce qu'il avait à faire. Le jour même, il arrangea un souper des personnes que le Grand-Duc voyait avec le plus de plaisir, et, dans un moment de gaieté, tous se réunirent pour obtenir de ce Prince qu'il consentit à ce qu'on lui demandait. En même temps entra M. Boerhave avec un chirurgien et, dans la minute, l'opération fut faite et réussit très bien ¹⁾. M. de Soltikow reçut de l'Impératrice, à cette occasion, un très beau diamant.

Cet événement que M. de Soltikow croyait devoir assurer ses plaisirs et sa faveur, attira sur M. de Soltikow un orage qui le mit en danger d'être perdu. Sa maison avait beaucoup d'ennemis. Il s'en était fait beaucoup personnellement par ses airs de hauteur et par le peu de ménagement avec lequel il en usait envers ceux qu'il haïssait. On parla beaucoup de la liaison qui paraissait être entre lui et la Grande-Duchesse; on saisit ce moment pour tâcher de le perdre près de l'Impératrice et du Grand-Duc même. On donna à l'Impératrice des soupçons sur les assiduités qu'il rendait à la Grande-Duchesse; on lui insinua que cette opération à laquelle on avait dit avoir recours pour assurer des héritiers à l'Empire, n'était qu'une ruse employée pour colorer un accident dont on voulait faire croire le Grand-Duc l'auteur. Ces méchancetés firent une grande impression sur l'Impératrice. On crut qu'alors elle se souvint de ce que M. de Soltikow n'avait pas remarqué l'intérêt qu'elle avait bien voulu prendre à lui. Ses ennemis firent plus: ils s'adressèrent même au Grand-Duc. M. de Soltikow fut averti de ce qui se passait, il alla trouver le Grand-Duc qui le reçut avec assez de froideur. Ce Prince était seul. M. de Soltikow entra sur-le-champ en matière, et lui dit ce qu'il venait d'apprendre, qu'il n'en était point surpris, que ses bontés pour lui, la faveur dont il l'avait honoré, étaient des raisons plus que suffisantes pour lui faire un grand nombre d'ennemis; mais qu'il n'osait croire que Son Altesse Impériale n'eût point de son

¹⁾ Эти факты подтверждают Кастера („Histoire de Catherine II, impératrice de Russie“) и Лаво. Последний съ буквальной точностью повторяетъ факты донесенія Шампо, хотя оно не могло быть ему известно, но прибавляетъ при этомъ, что императрица лично говорила съ Салтыковымъ (Laveaux: „Histoire de Pierre III, empereur de Russie“, III 53—58).

attachement pour lui, des idées plus justes et plus dignes de tous deux; qu'il pouvait être persuadé que le Grand-Duc perdrait avec lui le serviteur le plus dévoué.

Les sentiments du Grand-Duc se réchauffèrent; il embrassa M. Soltikow, lui dit qu'il avait été surpris un moment par des gens qui cherchaient à lui nuire, qu'il s'en repentait et le lui ferait voir, s'il le fallait, et qu'il lui était plus cher que jamais ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе Салтыковъ сдѣлался осторожнѣе и сталъ рѣдко показываться при дворѣ. „По правдѣ сказать“, пишетъ Екатерина, „я была этимъ огорчена, однако онъ приводилъ мнѣ такія основательныя и дѣйствительныя причины, что, какъ только я его видѣла и говорила съ нимъ, мое раздумье исчезало“. Враговъ и интригъ противъ него и великой княгини оказывалось очень много, а друзей налицо не было. Приходилось искать поддержки у... Бестужева. Къ нему отправился Салтыковъ, по порученію великой княгини, и Бестужевъ, самъ искавшій сближенія съ великой княгиней по мѣрѣ того, какъ падалъ его кредитъ у императрицы, обѣщавъ ей полное содѣйствіе. „Я слѣлаю“, сказалъ онъ, „Владиславу кроткой, какъ овечка, и она будетъ дѣлать изъ нея, что угодно; она увидитъ, что я не такой бука, какъ изображали меня въ ея глазахъ“. Бестужевъ сдѣлалъ еще болѣе, онъ сдѣлалъ овечкой самоѣ Чоглокову. „Чоглокова, вѣчно занятая своими излюбленными заботами о престолонаслѣдіи“, рассказываетъ Екатерина, „однажды отвела меня въ сторону и сказала: „послушайте, я должна поговорить съ вами очень серіозно“. Я, понятно, вся обратилась въ слухъ. Она начала съ обычной своей манерой длиннымъ разглагольствованіемъ о привязанности своей къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегченія или отягощенія узъ супруга или супруги, а затѣмъ свернула на заявленіе, что бываютъ иногда положенія высшаго порядка, которыя вынуждаютъ дѣлать исключенія изъ правила. Я дала ей высказать все, что она хотѣла, не прерывая, вовсе не вѣдая, куда она клонитъ, нѣсколько изумленная, и не зная, была ли это ловушка, которую она мнѣ ставить, или она говоритъ мнѣ искренно. Пока я внутренно такъ размышляла, она мнѣ сказала: „Вы увидите, какъ я люблю свое отечество и насколько я искренна; я не сомнѣваюсь, чтобы вы кому-нибудь не отдали предпочтенія: предоставляю вамъ

¹⁾ Донесеніе Шамо (у Бильбасова: „Исторія Екатерины Второй“, I 539—540.

выбрать между Сергѣемъ Салтыковымъ и Львомъ Нарышкинымъ: если не ошибаюсь, то избранникъ вашъ послѣдній“. На это я воскликнула: „нѣтъ, нѣтъ, отнюдь нѣтъ“. Тогда она мнѣ сказала: „ну, если это не онъ, такъ другой, навѣрно“. На это я не возразила ни слова, и она продолжала: „Вы увидите, что помѣхой вамъ буду не я“. Я притворилась наивной настолько, что она меня много разъ бранила за это какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, куда мы отправились послѣ Пасхи¹⁾. Впослѣдствіи, говоря объ этомъ въ письмѣ къ Потемкину, озаглавленномъ „Чистосердечная исповѣдь“, Екатерина, видимо, желая оправдать свое поведеніе, всю вину сближенія своего съ Салтыковымъ возлагала исключительно на Чоглокову. „Марья Чоглокова“, писала Екатерина, „видя, что чрезъ девять лѣтъ обстоятельства остались тѣ же, каковы были до свадьбы, и бывъ отъ покойной государыни часто бранена, что не старается ихъ перемѣнить, не нашла иного къ тому способа, какъ обвинить стороны сдѣлать предложеніе, чтобы выбрали по своей волѣ изъ тѣхъ, кои она на мысли имѣла: съ одной стороны выбрали вдову Гротъ, которая нынѣ за артиллеріи генераль-поручикомъ Миллеромъ, а съ другой Сергѣя Салтыкова и сего болѣе по видимой его склонности и по уговору мамы, которая въ томъ поставляла великую нужду и надобность“. Отрывокъ этотъ важенъ для историка не столько по содержанію, очевидно, не вполне согласному съ истиной, сколько по невѣрной хронологіи, которую устанавливаетъ здѣсь Екатерина, считая девять лѣтъ отъ бракосочетанія до выбора Гротъ и дважды повторяя эту ошибку въ своихъ Запискахъ при изложеніи супружескихъ отношеній къ ней великаго князя. Между тѣмъ изъ самыхъ „Записокъ“ ея видно, что выборъ Гротъ и Салтыкова произошелъ въ 1752 г., т.-е. девять лѣтъ спустя послѣ пріѣзда Екатерины въ Россію. Этимъ временемъ, стало быть, опредѣляется и начало дѣйствительной супружеской жизни великокняжеской четы. Петръ Θεодоровичъ уже не могъ называть себя, обращаясь къ Екатеринѣ, какъ онъ дѣлалъ это на другой годъ послѣ свадьбы: „Votre très infortuné mari que vous ne daignez jamais appeler de ce nom“²⁾.

Въ концѣ 1752 г. Екатерина почувствовала легкіе признаки беременности, но они исчезли, съ сильной рвзью въ животѣ, на послѣдней станціи предъ Москвой, куда въ это время переѣхалъ

¹⁾ „Записки“, 337—338.

²⁾ Приложение къ Герценовскому переводу „Записокъ“ Екатерины (Лондонъ 1859), 259.

весь дворъ. Въ Москвѣ въ маѣ 1753 г. Екатерина вновь почувствовала себя беременной, но въ концѣ іюня у нея произошелъ выкидышъ. По этому случаю она должна была оставаться въ своей комнатѣ: отъ скуки она часто плакала. Въ это время великій князь сидѣлъ обыкновенно у себя въ комнатѣ съ камердинеромъ своимъ Карновичемъ, дуракомъ и пьяницею, который забавлялъ его и доставалъ ему игрушки и крѣпкіе напитки. Иногда собирались на попойки къ великому князю и другіе камердинеры. Случалось, что на этихъ попойкахъ нѣкоторые камердинеры, напившись до потери сознанія, не слушались великаго князя, хотя онъ прибѣгалъ къ палочнымъ ударамъ и даже обнажалъ шпагу; тогда онъ приходилъ къ Екатеринѣ жаловаться на своихъ людей, которые, къ удивленію Петра Ѳеодоровича, тотчасъ становились покорны и послушны, какъ только Екатерина напоминала имъ о ихъ обязанностяхъ. Войдя однажды по одному изъ такихъ случаевъ въ комнату своего супруга, она съ удивленіемъ замѣтила повѣшенную на срединѣ ея крысу. По объясненію Петра Ѳеодоровича, крыса эта совершила уголовное преступленіе и по военнымъ законамъ подверглась жесточайшему наказанію: она забралась на бастіоны картонной крѣпости, стоявшей у него на столѣ, и съѣла двухъ поставленныхъ на стражу часовыхъ изъ крахмала; ее повѣсили, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, съ тѣмъ, чтобы она висѣла въ теченіе трехъ сутокъ на глазахъ публики для внушенія примѣра. Едва-ли такія развлеченія могли быть пріятны Екатеринѣ. Но въ то же время и Салтыковъ, видимо, охладѣлъ къ великой княгинѣ еще въ концѣ 1752 г. „Мнѣ показалось“, говорятъ Екатерина, „что Сергѣй Салтыковъ сталъ меньше за мной ухаживать, что онъ становился невнимательнымъ, подчасъ фатоватымъ, надменнымъ и разсѣяннымъ. Меня это сердило, я говорила ему объ этомъ; онъ приводилъ плохіе доводы и увѣрялъ, что я не понимаю всей ловкости его поведенія. Онъ былъ правъ, потому что я находила его поведеніе довольно страннымъ“. Такъ же велъ онъ себя въ теченіе 1753 г. и въ Москвѣ, гдѣ еще рѣже посѣщалъ дворъ, чѣмъ очень огорчалъ Екатерину¹⁾. Между тѣмъ великій князь настолько сблизился съ своей супругой, что говорилъ Чоглокову: „Вы воображаете, что Салтыковъ другъ вашъ, и что онъ ухаживаетъ за великой княгиней для васъ; вы и не подозреваете, что онъ вашъ соперникъ и ухаживаетъ за ней для самого себя, а она смѣется надъ вами“.

¹⁾ „Записки“ 335—336.

обоими (et au fond elle se moque de tous les deux)". „Въ этомъ случаѣ“, замѣчаетъ Бильбасовъ, „великій князь являлся вполнѣ компетентнымъ судьей“¹⁾.

Въ такомъ положеніи была супружеская жизнь Екатерины въ концѣ 1753 г. за девять мѣсяцевъ до рожденія сына ея, великаго князя Павла Петровича. Въ апрѣлѣ 1754 г., вмѣсто умершаго Чоглокова, гофмаршаломъ двора великаго князя назначенъ былъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ. „Этотъ Александръ Шуваловъ“, говоритъ Екатерина, „не самъ по себѣ, а по должности, которую онъ занималъ, былъ грозой всего двора, города и всей имперіи: онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго суда, который звали Тайной концеляріей. Его занятія, какъ говорили, вызвали у него родъ судорожнаго движенія, которое дѣлалось на всей правой сторонѣ лица, отъ глазъ до подбородка, каждый разъ, когда онъ былъ взволнованъ радостью, гнѣвомъ, страхомъ или боязнью. Удивительно, какъ выбрали этого человѣка со столь отвратительной гримасой. чтобы держать его постоянно лицомъ къ лицу съ молодой беременной женщиной; если бы у меня родился ребенокъ съ такимъ несчастнымъ типомъ, я думаю, императрица была бы этимъ очень разгнѣвана; между тѣмъ, это могло бы случиться, такъ какъ я видѣла Шувалова постоянно, всегда неохотно и большею частью съ чувствомъ небольшого отвращенія, причиняемаго его личными свойствами, его родными и его должностью, которая, понятно, не могла увеличить удовольствія отъ его общества“²⁾. На мѣсто Чоглоковой, также уволенной отъ должности оберъ-гофмейстерины, императрица предполагала назначить графиню Румянцеву, но Екатерина, крайне не любившая Румянцевой, стала горько плакать при этомъ извѣстіи и просила Шувалова доложить императрицѣ, что если къ ней приставятъ Румянцову, то она сочтетъ это за большое несчастье для себя, что эта женщина прежде повредила ея матери, что она очернила ее во мнѣніи императрицы, и что теперь она сдѣлаетъ то же самое и ей, что ея боялись, какъ чумы, когда она была у насъ, и что много будетъ несчастныхъ отъ этого распоряженія. Боясь повредить великой княгинѣ при ея положеніи, императрица отказалась отъ своего намѣренія. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ мая, Екатерину повезли въ Петербургъ, обставляя путешествіе всѣми предосторожностями, чтобы не повредить здоровью ея и ея будущаго ребенка. Ъхали

¹⁾ Бильбасовъ: „Исторія Екатерины Второй“, I, 294.

²⁾ „Записки“ 356.

чуть не шагомъ, проведя въ дорогѣ 29 дней. Въ Петербургѣ для Екатерины приготовлены были комнаты въ Лѣтнемъ дворцѣ въ апартаментахъ самой Императрицы, гдѣ она должна была поселиться и осенью послѣ лѣтняго пребыванія въ Ораніенбаумѣ. Въ 2 часа ночи 20 сентября Екатерина почувствовала, наконецъ, приближеніе родовъ, и къ ней тотчасъ явилась Императрица, которая и присутствовала при появленіи на свѣтъ, около полудня 20 сентября, внука своего, тотчасъ же нареченнаго Павломъ. Императрица Елисавета въ появленіи этой новой отрасли Петра Великаго видѣла исполненіе давнихъ завѣтныхъ своихъ надеждъ и обезпеченіе будущности Россіи.

Е. С. Шумигорскій.

(Окончаніе).

